

И. В. Тункина
Первые исследовательские программы
в классической археологии
Северного Причерноморья (XVIII — середина XIX в.)¹

Проблемы античной истории:
Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова /
Под редакцией д-ра ист. наук А. Ю. Дворниченко.
СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003.
ISBN 5-288-03180-0

- 359 -

Археология, как и любая другая наука, является культурной системой с рефлексией, которая сама себя осознает и существует в соответствии с этим осознанием.² С позиций науковедения история археологии может быть представлена как история формирования, функционирования, взаимодействия и смены научных сообществ и существующих в их рамках школ, объединенных общей системой научных идей, оценок, методики исследований и других элементов. В ряде науковедческих концепций понятие парадигмы (Т. Кун), эпистемы (М. Фуко), традиции, личностного знания по сути являются различными определениями для обозначения одного явления — исследовательской программы, в рамках которой работает ученый.

В общем виде исследовательская программа трактуется как совокупность целей, задач и методов познания. Понятие исследовательской программы, введенное в науковедение И. Лакатосом, включает как типы вопросов или задач, так и соответствующие им методы независимо от того, идет ли речь о теоретическом знании или об эмпирическом описании.³

- 360 -

Не менее важное место в историко-научных исследованиях занимает анализ социально-психологических характеристик отдельных ученых и конкретных научных сообществ. Социально-психологическая история науки помогает ответить на вопрос, почему одни ученые смогли дать что-то новое в своих исследованиях, а другие — нет, несмотря на благоприятные творческие условия.⁴

С этих двух позиций попытаемся взглянуть на историю отечественной классической археологии XVIII — середины XIX в. В мировой культуре классическая (античная) археология возникла как первый оформившийся раздел археологической науки, с собственным фондом источников, методами их обработки, проблематикой и системой научных организаций. Генетически она неразрывно связана с остальными разделами антиковедения — классической филологией, собственно древней историей, историей материальной и духовной культуры, историей искусств и т. п., которые в составе общекультурных ценностей в XVIII столетии вошли в структуру культуры европейского, в том числе и русского, классицизма.⁵ В рамках общекультурных категорий, подходов, методов осуществлялся первоначальный поиск, накопление и систематизация античного вещевое материала, эмпирически определялись специфические задачи и приемы собственно археологических исследований.⁶ Зародившись как деятельность увлеченных древностью дилетантов, классическая археология стала

своего рода "испытательным полигоном" структурообразующих характеристик археологической науки, сферой подготовки первых археологов-профессионалов, объединенных специализированными научными центрами.

На наш взгляд, становление научного знания о памятниках Северного Причерноморья античной эпохи (XVIII — середина XIX в.) распадается на три этапа.⁷

Первый этап (1724-1802), фактически полностью связанный с деятельностью основанной в 1724-1725 гг. по указу Петра I Петербургской Академии наук, стал временем первоначального ознакомления

- 361 -

с древностями северного побережья Понта и связанной с ними проблематикой. В России XVIII столетия, за исключением немногих ученых Петербургской Академии наук, еще не сложился круг специалистов, профессионально занимавшихся материальными остатками античной эпохи. Г. З. Байер, Г. Ф. В. Юнкер, В. Н. Татищев, И. Шульц, Х. Крузиус, Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, И. Ф. Гакман и др. ограничивались изучением нарративной традиции, небольшого числа известных тогда монет и случайных находок.

На протяжении всего XVIII в. в частные коллекции и первые музеи (Кунсткамера, Эрмитаж) поступали памятники из скифских и сарматских курганов Подонья и Приазовья. В 1763 г. генерал-поручиком А. П. Мельгуновым⁸ был раскопан Литой курган, обогативший науку памятниками скифской архаики, комплекс которого был изучен акад. Г. Ф. Миллером.⁹

С присоединением к России Северного Причерноморья отечественная наука получила новый объект исследования в виде материальных остатков греческих городов-колоний и их некрополей. Русское общество эпохи классицизма воспринимало памятники античной археологии далеко неоднозначно. В массовом историческом сознании преобладали обыденно-эмпирический (в крайнем своем проявлении — утилитарный) и художественно-эстетический подходы. Первый рассматривал древности как "куриозы", "раритеты", что проявилось в собирательстве "антиков" в одних и тех же музеях и частных собраниях вместе с естественно-историческими редкостями, второй, в согласии с эстетикой И. Винкельмана, видел в них воплощение идеала античности, недостижимый образец для подражания, изящные произведения древнего искусства. Третий, научно-теоретический подход, нашел отражение в исследованиях ученых Петербургской Академии наук и узкого круга высокообразованных любителей, рассматривавших известные тогда памятники прежде всего как исторические источники.¹⁰

В годы проведения знаменитых "ученых путешествий" Петербургской АН

- 362 -

была выработана комплексная программа исследовательских задач, впоследствии успешно примененная в Причерноморье, направленная на изучение древностей в контексте определенного антропогенного и природного ландшафта, независимо от их культурно-исторической принадлежности.¹¹ Особое внимание было обращено на методику исследований — необходимость при раскопках и разведках тотальной фиксации всех объектов (независимо от их "понятности" для исследователя и "важности" для науки того времени), составление рисунков, ландкарт, словарей местных терминов, привлечение этнографических параллелей, сопоставительного анализа письменных и археологических источников. Детальное изложение этой программы представлено в инструкции акад. Г. Ф. Миллера адъютанту И. Э. Фишеру (1740 г.).¹² Именно такой подход дал результаты, не утратившие своего научного значения до сих пор. Наиболее полно он отразился в трудах ученых-энциклопедистов П. С. Палласа, И. А. Гильденштедта, В. Ф. Зуева, К. И. Габлица, Ф. К. Маршала фон Биберштейна. Используя современную научную терминологию, такие исследования с полным правом можно называть междисциплинарными. Наиболее яркими их образцами могут считаться

исследования К. И. Габлица и П. С. Палласа на Гераклеяском полуострове близ Севастополя.¹³

Второй этап (1803-1838) становления классической археологии характеризуется процессом ее самоосознания как специальной научной дисциплины. В 1803 г. был принят новый регламент АН, включивший историю в круг изучаемых ею дисциплин.¹⁴

В начале XIX в. под влиянием западной литературы термин "археология" прочно вошел в отечественную науку. С 1809 г. в Московском университете читался курс "археологии и истории изящных искусств"; параллельно велись курсы по "греческим и римским древностям".¹⁵ Вслед за европейскими антиквариями отечественная профессура придерживалась взглядов, согласно которым объектом изучения археологии признавались только художественные памятники высокоразвитых

- 363 -

цивилизации Древнего Египта, Греции и Италии,¹⁶ а их эстетическо-созерцательное восприятие возводилось в абсолют. Древности "варваров" первоначально вообще не принимались во внимание. В силу специфики источниковой базы классическая археология рассматривалась, с одной стороны, как раздел искусствознания, с другой — как одна из частных дисциплин антиковедения. Как правило, в методическом отношении при анализе находок на первое место ставилась художественная и историческая, а не собственно археологическая интерпретация памятника.

На протяжении первой трети XIX в. образовалось три научных центра классической археологии Причерноморья. В Петербурге работали академики Е. Е. Келер, Х. Ф. Грефе, Ф. И. Круг, президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин, писатель и государственный деятель И. М. Муравьев-Апостол и активный член Румянцевского кружка, впоследствии академик Петербургской АН П. И. Кеппен.¹⁷ Академическая наука уделяла основное внимание изучению письменных, эпиграфических и нумизматических источников. Другие же категории вещевого материала рассматривались с точки зрения канонов классического искусства. Так, А. Н. Оленин, посвятивший специальное исследование находкам из кургана Куль-Оба (оставшееся неизданным), охарактеризовал знаменитую бляху в виде фигуры лежащего оленя, выполненную в скифском зверином стиле, как творение "неумелого ваятеля" эпохи "лучших времен искусства".¹⁸

Европейски признанный ученый, хранитель Эрмитажа академик Е. Е. Келер,¹⁹ занимавший академическую кафедру древностей греческих и римских, в 1804 и 1821 гг. совершил две специальные археологические

- 364 -

экспедиции в Новороссию. Типичный немецкий гелертер антикварного толка, он понимал задачи археологии в русле эстетики И. Винкельмана. Е. Е. Келер издавал главным образом новый эпиграфический и нумизматический материал, а также памятники скульптуры и глиптики, и здесь его заслуги бесспорны. Он "положил основание изучению древностей, находящихся на юге России и поднял его на высокую степень строгой, научной отчетливости", — писал о Келере профессор Московского университета П. М. Леонтьев.²⁰ Однако, как красноречиво свидетельствует неизданный дневник его поездки по Новороссийскому краю (1821 г.),²¹ в строительных остатках античного времени Келер разбирался крайне слабо и зачастую не мог, в отличие от естествоиспытателя П. С. Палласа, посетившего те же места за тридцать лет до Келера и специально древностями не занимавшегося,²² правильно оценить и интерпретировать конкретную археологическую ситуацию многих археологических объектов, видимых на поверхности земли.

Признанный не только в отечественной, но и в европейской науке своего времени чуть ли не "живым классиком", Е. Е. Келер обладал "прикладным" стилем мышления, имеющим сильную разрешающую способность в узких областях конкретного знания — эпиграфики,

нумизматики, истории искусств, источниковедения античной письменной традиции, но отнюдь не в археологии в современном ее понимании.

Е. Е. Келер, на наш взгляд, являлся ученым с ярко выраженными чертами критика и эрудита, у которого критические потенции значительно превосходили творческие возможности. Для его публикаций свойственно стремление к ясности, упорядоченности, обостренное внимание к мелочам и скрупулезность в анализе источников.

Своего рода противовесом петербургской академической науке стали неформальные объединения провинциальных любителей археологии — кружки неспециалистов, спонтанно возникшие в Одессе и Керчи.²³ Ведущую роль в них играли лица, превосходившие по уровню

- 365 -

интеллектуального и научного развития обычных дилетантов (в данном случае, без уничижительного оттенка), которые выросли в серьезных исследователей. Это отставной полковник, керчь-еникальский градоначальник, член-корреспондент Парижской Академии надписей и изящной словесности (с 1821 г.) И. А. Слемповский²⁴ и директор Одесского и Керченского музеев древностей, известный коллекционер,²⁵ член-корреспондент Берлинской Академии наук (с 1830 г.) И. П. Бларамберг.

На начальных этапах развития науки дилетантизм неизбежен ввиду отсутствия еще только формирующегося корпуса собственно научных знаний и принципов. От простого коллекционирования антиков и перекапывания культурного слоя с целью поиска высокохудожественных произведений археологи-любители перешли к раскопкам с научными целями, осознали необходимость составления полевой документации и топографической фиксации памятников. Ими самими или под их руководством были выполнены первые планы античных городищ Боспора, архитектурные обмеры погребальных сооружений — склепов и катакомб. Французский роялист-эмигрант Поль Дюбрюкс,²⁶ живший в Керчи, вслед за графом И. О. Потоцким, нашел оригинальную методику раскопок курганов — на снос до материка, что как правило гарантировало находку погребений.²⁷

В среде провинциальных археологов была выработана первая исследовательская программа классической археологии Причерноморья, сформулированная И. А. Слемповским в 1823 г. под названием "Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае".²⁸ В ней впервые были названы как стратегические цели, так и

- 366 -

тактические задачи развития науки: составление сводов нарративной традиции о Причерноморье, полных корпусов эпиграфических, нумизматических и археологических источников, тотальная фиксация и изучение всех без исключения памятников, прежде всего городищ, проведение раскопок с научными целями, принятие мер по консервации, реставрации и охране древностей, составление планов и обмерных чертежей архитектурно-археологических остатков, картографирование памятников. По мысли автора, антиквариату должны объединиться в научное общество с единой программой полевых и кабинетных исследований, способствовать созданию сети специализированных археологических музеев.

К сожалению, взаимоотношения между представителями академической науки, в лице Е. Е. Келера, и провинциальными объединениями исследователей в конечном итоге не сложились. "Мы почитаем всех нолями, а единицами себя..." Пушкинская формула интеллектуального эгоизма, на наш взгляд, весьма справедлива для характеристики личности петербургского академика. Уже первые зарубежные научные публикации И. А. Слемповского и И. П. Бларамберга встретили неоднозначную реакцию — поддержку и одобрение у западных коллег, в том числе профессиональных ученых, и резкие рецензии со стороны Е. Е. Келера.²⁹ Аналогичная судьба постигла работу недавнего выпускника Харьковского университета П.И.Кеппена.³⁰

Так, в монографии действительного члена Парижской Академии надписей Дезире Рауль Рошетта "Греческие древности Боспора Киммерийского" (Париж, 1822) широко использованы материалы, собранные И. А. Стемпковским и И. П. Бларамбергом. Книга была встречена резкой, во многом необъективной и пристрастной рецензией хранителя Эрмитажа,³¹ где Е. Е. Келер "не щадит несколько слабые стороны противника и открывает их в таком ужасном множестве, которые могла подметить только его острота ума и неизмеримая

- 367 -

ученость".³² Действительно, это издание хотя и было полно ошибок и неточностей, однако явилось первым в мировом антиковедении обобщающим трудом по античным древностям Причерноморья, к тому же написанным французским, а не русским ученым.

Резкий тон отзывов Е. Е. Келера о трудах провинциалов зачастую переходил допустимые границы научной этики. Вместо спокойной конструктивной критики на первый план вышла капризная раздражительность и придирки по мелочам, которые стали объективным тормозом развития науки на периферии. Академик вскрывал неизбежные ошибки и недостатки в трудах своих оппонентов, давая при этом понять, что дилетанты — "невежественные пришельцы", "варяги" в храме антиковедения, чьи публикации пестрят "фальшивыми, выдуманными утверждениями".³³ Пренебрежительное высокомерие к работам "несчастливых младших детей Понтийской Клио", объясняемое стремлением сохранить первенство в науке, дополнялось как открытым игнорированием других исследований провинциалов, так и приписыванием себе приоритета первого издания неизвестных ранее памятников. Ряд монет, впервые введенных в научный оборот И. А. Стемпковским и И. П. Бларамбергом, Е. Е. Келер объявил фальшивыми, хотя они были подлинными.³⁴

Сложившуюся ситуацию очень метко обрисовал И. А. Стемпковский в одном из писем П. И. Кеппену: "Жаль, что чрез сие история здешнего края, и без того довольно темная, еще более затемняется и запутывается, что многие памятники, в достоверности которых нет никакого сомнения, одним словом г. Келера выписываются в число подложных. Судя по знаниям его и опытности, многие поверят ему более, нежели кому-либо. Зло, нанесенное им чрез сие науке, коей посвятил он жизнь свою, исчислить невозможно, и я не понимаю никак чувств его и намерений в сем случае".³⁵ Митрополит Евгений (Болховитинов) в письме графу Н. П. Румянцеву так прокомментировал

- 368 -

это противостояние: "Известно, что мастера не любят славы подмастерьев и учеников".³⁶

Конфронтация привела к тому, что Одесский археологический кружок фактически потерял связь с Петербургской АН, а его члены предпочитали отправлять свои исследования и материалы о новых находках не в Петербург, а в Париж и Берлин, где ученые оказались более благожелательны к представителям русской провинциальной науки.

Уже в 1824 г. И. А. Стемпковский встал на защиту своих единомышленников, пытаясь доказать важность и значимость международных контактов для отечественной науки. В открытом письме редактору "Вестника Европы" по случаю выхода книги Д. Рауль Рошетта он писал: "Смело могу уверить, что важнейшие из надписей и медалей, изданных Рошеттом, давно известны были многим у нас в России; но публика ничего о них не знала, и сокровища сии, незначачие ничего, доколе сокрыты в пыли кабинетов, были потеряны для ученого света... Направление дано, и мы теперь можем надеяться, что мало-помалу... несовершенства исправятся благоразумною критикою, темные места объяснятся, и новые любопытные сведения и материалы для истории не будут более тлеть в портфелях и кабинетах. Вот истинная польза, доставленная благонамеренным предприятием г. Рошетта, и мы должны быть ему благодарны, несмотря на то, что он иностранец. Науки не равно ли принадлежат всем просвещенным людям без различия лиц и наций?".³⁷

Различие стилей мышления и психологического облика провинциалов и столичных ученых наиболее ярко сфокусировано в противостоянии Е. Е. Келера и И. А. Стемпковского. По классификации ученых, предложенной В. Оствальдом, первый относился к типу классиков, второй — к типу романтиков. Классики, согласно Оствальду, работают в тиши уединения, не имеют учеников и не создают школы, в их деятельности преобладают элементы индивидуального творчества. Напротив, романтики много времени отдают научно-организационной деятельности, пропаганде своих взглядов, популяризации их для общества;

- 369 -

их творчество тесно переплетается с деятельностью научного коллектива.³⁸

Открытый характер И. А. Стемпковского предопределил и стиль его научной деятельности. Работы последнего напрямую увязаны с полевыми и кабинетными исследованиями его друзей в Одессе и Керчи, коллег в Петербурге (П. И. Кеппен), Париже (Д. Рауль Рошетт), Берлине (А. Бек). Являясь членом Общества истории и древностей российских при Московском университете (с 1825 г.), он неустанно убеждал отечественных антиквариев в необходимости изучения не только славяно-русских, но и классических древностей, находящихся на территории России. Если Е. Е. Келер публиковал свои работы в сугубо академических изданиях на французском и немецком языках, а отдельные монографии издавал крайне малыми тиражами, не поступавшими в свободную продажу и распространявшимися в узком кругу профессионалов, то И. А. Стемпковский оставил множество научных и научно-популярных статей и заметок в столичных и периферийных изданиях как на русском, так и на французском языках.

После серии резких публикаций Е. Е. Келера в адрес И. А. Стемпковского, И. П. Бларамберга и П. И. Кеппена издательская активность провинциальных антиквариев резко упала. Большинство созданных дилетантами исследований 1820-х-начала 1830-х гг. остались неизданными, хотя их публикация существенно бы обогатила науку — это монографический труд П. И. Кеппена "Ольвия, древний город на реке Буг",³⁹ исследование И. А. Стемпковского по истории Боспора, основанное на критическом анализе всех известных на то время письменных, нумизматических, эпиграфических и археологических источников (рукопись была направлена автором в Парижскую Академию надписей), и целая серия статей И. П. Бларамберга по различным археологическим вопросам. П. И. Кеппен оставил археологические штудии и переключился на занятия статистикой, этнографией и географией России, хотя собирал сведения об археологических памятниках до конца своих дней.

Очевидно, что творческие дискуссии в науке необходимы. Другое дело, когда представители одних научных взглядов не дают и слова

- 370 -

сказать приверженцам других точек зрения. Е. Е. Келер всячески оберегал "монопольную ситуацию", сложившуюся в русском антиковедении первой трети XIX в. Высокомерие и профессиональный снобизм столичного академика на какое-то время стали тормозом для появления и новых идей, и новых людей в науке. И. А. Стемпковский, смотревший на археологию с более широких позиций, сумел определить дальнейшие пути развития науки на многие десятилетия вперед. Для современной археологии как источниковедческой дисциплины гораздо большее значение имеют кропотливые натурные исследования дилетантов (материалы их раскопок, описания и планы архитектурно-археологических остатков античного времени), нежели труды акад. Е. Е. Келера, стоявшие на высоте современного ему научного знания, но сегодня вызывающие лишь чисто историографический интерес.

В отечественной историографии заслуги петербургского академика традиционно подчеркивались,⁴⁰ а его ошибки и недостатки просто оказались забыты. По отношению к личности Е. Е. Келера сработал так называемый "эффект Матфея", открытый Р. Мертоном и заключающийся в том, что распределение признания и забвения в научном сообществе

соответствует высказыванию, содержащемуся в "Евангелии от Матфея": "Имущему да умножится, у неимущего да отнимется". Другими словами, известные ученые получают непропорциональное научное признание, в то время как малоизвестные остаются таковыми и забываются совсем. Напротив, при оценке деятельности провинциалов из Одессы и Керчи зачастую подчеркивался ее непрофессиональный, дилетантский характер (недостаточный уровень научной подготовки, небрежность раскопок и т. п.),⁴¹ а не их заслуги перед наукой как первооткрывателей ряда ее направлений.

Известный науковедческий постулат о том, что на начальных этапах развития науки дилетантизм играет немаловажную роль, но его эффективность резко падает на уровне развитой, расчлененной науки, при анализе ситуации, сложившейся в русской классической археологии первой трети XIX в., полностью себя оправдывает.⁴²

- 371 -

Неразвитость организационных форм классической археологии стала тормозить процессы ее дальнейшего развития. Соперничество и разногласия между представителями столичной и провинциальной науки, разница подходов к изучению памятников в конце концов привела к печальному результату. Уход из жизни в 1830-х гг. И. П. Бларамберга (1831), И. А. Стемпковского (1832), П. Дюбрюкса (1835) привел к потере преемственности в полевой практике и забвению заветов И. А. Стемпковского, призывавшего изучать все группы памятников, прежде всего поселения. Е. Е. Келер (ум. в 1838 г.), присвоивший себе право единоличного обладания научной истиной, не имел учеников и не оставил школы — его кафедра в Петербургской АН оставалась вакантной 12 лет, вплоть до 1850 г., когда ее занял акад. Л. Э. Стефани.

Начало широкомасштабных полевых работ в Новороссийском крае связано с открытием кургана Куль-Оба под Керчью (1830). С этого момента правительство стало рассматривать земли юга России как источник пополнения Эрмитажа произведениями искусства большой художественной и материальной ценности. Раскопки были поручены чиновнику министерства Императорского Двора Д. В. Карейше и А. Б. Ашику, преемнику И. П. Бларамберга на посту директора Керченского музея древностей. Исследовательские задачи и методика их полевых работ сложились под влиянием определенного "социального" заказа — петербургские власти требовали доставки в столицу золотых вещей и высокохудожественных произведений античного ремесла. Главное внимание уделялось раскопкам могильников, по сути носившим кладоискательский характер.

На протяжении второго периода были начаты обследования и раскопки городищ и курганов с научными целями, осознана необходимость составления полевой документации и топографической фиксации памятников, опубликована серия трудов дискуссионного характера, приняты первые правительственные распоряжения об охране древностей (1805, 1822), созданы пять специализированных археологических музеев — в Николаеве (1803), Харькове (1805), Феодосии (1811), Одессе (1825) и Керчи (1826).⁴³

- 372 -

На третьем этапе (1839-1859) происходило становление организационной структуры классической археологии. В 1839 г. было основано Одесское общество истории и древностей (ООИД), в 1846 г. — Петербургское археолого-нумизматическое общество (впоследствии — Императорское Русское археологическое общество), в 1859 г. — Императорская Археологическая комиссия — общегосударственный центр, координирующий археологические раскопки в стране.

Программа исследований Одесского общества включала: распространение исторических и археологических знаний о южной России путем сбора, описания и хранения древностей Новороссии, критическое изучение письменной традиции о Северном Причерноморье. Помимо археологических исследований, общество занималось и чисто историческими, ар-

хеографическими, географическими, этнографическими, статистическими изысканиями.⁴⁴ Столь широкие задачи в практической деятельности привели к распылению интеллектуальных сил и ограниченных денежных средств, что в конечном итоге затормозило углубленную разработку обществом проблем классической археологии.

Часть задач, поставленных ранее И. А. Стемпковским, нашла отражение в программной речи президента ООИД Д. М. Княжевича "О способах к достижению цели, предложенной уставом общества" (1840), где подчеркивалась необходимость картографирования курганов, улучшения методики их раскопок, снятие планов городищ и обмерных чертежей архитектурных остатков, копирование фресок, создание музея общества, составление свода известий древних авторов о Северном Причерноморье.⁴⁵ Несмотря на полученное право производства раскопок по всему югу России, полевая работа ООИД оставалась ограниченной из-за хронической нехватки средств. Археологи не утруждали себя составлением необходимой полевой документации, несмотря на составленные секретарем ООИД Н. Н. Мурзакевичем "Правила для разрытия курганов" (1843)⁴⁶ и "Наставления, как надлежит

- 373 -

поступать при открытии древностей" (1851).⁴⁷ В этих первых инструкциях по производству раскопок среди задач археолога подчеркивается необходимость топографических привязок к местности, составление обмерных чертежей, рисунков, планов, ведение дневника, фиксация стратиграфических разрезов, регламентируются способы консервации и правила хранения находок. Если в "Правилах" еще не определяется методика раскопок насыпи курганов, то в "Наставлении" дается совет небольшие курганы копать на снос, а большие — траншеей или миной.

К сожалению, на практике основные положения правил раскопок не находили должного применения. Даже их составитель Н. Н. Мурзакевич, безуспешно пытавшийся воздействовать на А. Б. Ашика и Д. В. Карейшу, критикуя их методику полевых работ, не считал нужным составить отчеты о собственных раскопках на острове Фидониси (1841) и в Ольвии (1846). Раскопки и разведки членов общества преследовали цель пополнить музей ООИД новыми эффектными находками. Общество, хотя и пыталось претворить в жизнь ряд задач, поставленных И. А. Стемпковским, главные из них было выполнить не в силах из-за недостаточного уровня историко-филологической и археологической подготовки своих членов.

С момента создания Петербургское археолого-нумизматическое общество главное внимание уделяло изучению античной нумизматики (Б. В. Кене, В. В. Григорьев, Э. Г. фон Муральт, А. А. Сибирский, А. С. Уваров и др.). В его уставе зафиксированы приоритетные направления исследовательской программы: "Общество имеет предметом изучение археологии классической, преимущественно же памятников средних веков и нумизматики новейшей, как восточной, так и западной, обращая в особенность внимание на монеты, медали и предметы древнего искусства, находящиеся или открываемые в России".⁴⁸ Поездки членов общества П. Сабатье, А. С. Уварова⁴⁹ и А. А. Сибирского по Северному Причерноморью способствовали появлению целого ряда монографических исследований о классических

- 374 -

древностях Новороссии. Общество сотрудничало с графом Л. А. Перовским, стремившимся упорядочить раскопки и улучшить методику полевых исследований в Новороссии. В обязательном порядке археологам предписывалось вести поденные записи работ, съемку планов, изготовление рисунков находок, составление подробных полевых отчетов.⁵⁰

В эти годы классическая археология обогатилась рядом замечательных открытий. Однако методические приемы, выработанные в предшествующее время, были забыты и научный уровень раскопок существенно снизился. Раскопки поселений, без четкой исследовательской программы и необходимого объема знаний, не могли дать столько эффективных находок, как раскопки курганов. Поэтому основное направление исследований было сдвину-

то от главных задач, поставленных И. А. Стемпковским, и наметившаяся в первой четверти XIX в. гармония в изучении всех групп памятников закреплена не была.

Только в конце прошлого века, на новом этапе развития науки, отечественное антиковедение начало реализацию некоторых задач исследовательской программы И. А. Стемпковского: создание сводных фундаментальных корпусов письменных, эпиграфических, нумизматических и археологических источников.⁵¹ Идеи И. А. Стемпковского получили дальнейшее развитие в детализированной исследовательской программе акад. М. И. Ростовцева, сформулированной им в статье "Классические и скифские древности северного побережья Черного моря" (1918).⁵² Как в этой, так и в других работах классика мирового антиковедения дается высокая оценка исследований археологов-любителей первой трети XIX в., сумевших правильно понять главные задачи научного изучения античных памятников Причерноморья. По сути программа И. А. Стемпковского-М. И. Ростовцева носит исчерпывающий характер и сегодня. Ей следуют современные ученые, даже не подозревая, что "говорят прозой".⁵³

- 375 -

Здесь мы сталкиваемся с до сих пор неосознанным феноменом. Программа, выработанная на начальном этапе развития науки не профессиональным ученым, а дилетантом, остается актуальной и по сей день. Н. Г. Чернышевский верно подметил: "Новая эпоха в науке создается чаще всего не специалистом, который слишком привык к рутине и обыкновенно отличается от своих сотоварищей только большим или меньшим объемом, но не существенным различием в содержании знания, — преобразователями науки являются обыкновенные люди, первоначально занимавшиеся другой отраслью знания... Причина тому очень проста: человек, приступающий к глубокому исследованию с запасом знаний, чуждых другим ученым, легче замечает в новом предмете стороны, ускользающие от их внимания".⁵⁴ Этот парадокс, как представляется, наглядно демонстрирует представленный на суд читателя краткий обзор первых исследовательских программ отечественной классической археологии.

Примечания

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 96-01-00236.

² Кузнецова Н. И. Наука в ее истории: (Методологические проблемы). М., 1982. С. 38.

³ Розов М. А. Понятие исследовательской программы // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск, 1987. С. 7, 13.

⁴ Карцев В. П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М., 1984. С. 11.

⁵ Лебедев Г. С. История отечественной археологии: 1700-1917 гг. Л., 1992. С. 34-35.

⁶ Тункина И. В. Неизданная работа М. И. Ростовцева "Классические и скифские древности северного побережья Черного моря" // СКУОКА: Избранные работы академика М.И.Ростовцева. Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 23.

⁷ Тункина И. В. Становление классической археологии в России (XVIII -середина XIX вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 15-16.

⁸ Тункина И. В. Первый исследователь скифских курганов: К биографии А. П. Мельгунова (1722-1788) // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 12-26.

⁹ [Миллер Г.Ф.] Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. 1764. Декабрь. С. 483-515.

¹⁰ Тункина И. В. Становление классической археологии... С. 5, 7.

¹¹ Лебедев Г. С. История отечественной археологии... С. 58-59.

¹² Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1888. Т.1. С. 106-114.

- ¹³ Щеглов А. Н., Тункина И. В. Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму (конец XVIII — первая половина XX вв.) // Традиции российской археологии: Матер. Методологич. семинара ИИМК РАН. СПб., 1996. С. 27-32.
- ¹⁴ История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 671.
- ¹⁵ Формозов А. А. История термина "археология" // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 215-216.
- ¹⁶ Каченовский М. Т. О художественных произведениях, как памятниках древних народов, которые более или менее известны потомству по мере успехов их в изящных искусствах. М., 1819. С. 24.
- ¹⁷ О его работах в области античной археологии см.: Тункина И. В. П. И. Кеппен как исследователь Ольвии (становление археолога) // Археологические вести. 2000. № 7 (в печати).
- ¹⁸ РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 109-109 об. Подробнее см.: Тункина И. В. А. Н. Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографич. очерки. СПб., 1995. С. 18-27. (Труды семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки". Вып. 1).
- ¹⁹ О нем см.: Уткина Л. М. Академик Е. Е. Келер и Эрмитаж // Немцы в России: петербургские немцы. СПб., 1999. С. 99-118; Гинзбург Г. И. Г. К. Келер и библиотека Эрмитажа // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб., 2000. Вып. 2. С. 92-98.
- ²⁰ Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Пропилеи. 1851. Кн. 1. С. 72.
- ²¹ ОР РНБ. Нем. IV Q 181.
- ²² Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М., 1999. (Научное наследство. Т. 27).
- ²³ Тункина И. В. А. С. Пушкин и археологи юга России // Пушкин и классические древности: Каталог по материалам выставки. СПб., 1999. С. 20-23.
- ²⁴ О нем см.: Тункина И. В. Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии // ΣΥΣΤΙΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 357-379.
- ²⁵ О нем см.: Тункина И. В. 1) Новые материалы о коллекции древностей И. П. Бларамберга // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья: Тез. докл. науч. конф. Белгород-Днестровский, 1995. С. 66-67; 2) К истории изучения античных памятников Западного Причерноморья в 1828-1829 гг. // Stratum plus. 1999. № 3: Скифский квадрат (СПб.; Кишинев; Одесса). С. 354-358; 3) Раскопки И. П. Бларамберга в Керчи в 1826 г. // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции (декабрь 1998 г.). СПб., 1998. С. 96-102.
- ²⁶ О нем см.: О судьбе рукописного наследия Павла Дюбрюкса // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции, декабрь 1999 г. СПб., 1999. С. 8-35.
- ²⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. I-1831. Д. 19. Л. 93 об.
- ²⁸ Стемпковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 49-52.
- ²⁹ См., например: Kohler H.K.E. D'un roi du Bosphore-Cimmerien. [Рец. на соч.:] Notice sur les medailles de Rhadameadis, roi inconnu du Bosphore-Cimmerien, decouvertes en Tauride en 1820, par J. de Stempkovsky. Paris, 1822 // Gesammelte Schriften. Bd 1. SPb., 1850. S. 30-43.
- ³⁰ Kohler H.K.E. Beurtheilung einer Schrift: Alterthumer am Nordgestade des Pontus, von Peter v. Koppen. Wien, 1823 // Gesammelte Schriften. Bd 2. SPb., 1850. S. 5-44.
- ³¹ Kohler H.K.E. Remarques sur un ouvrage intitule: Antiquites du Bosphore-Cimmerien publiees et expliquees par Raoul-Rochette. Paris, 1822 // Gesammelte Schriften. Bd 1. SPb., 1850. S. 81-234.
- ³² Леонтьев П. М. Обзор исследований... С. 76.
- ³³ См., напр.: Kohler H. K. E. Memoire sur les Iles et la Course consarees a Achille dans le Pont-Euxin // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg. V serie. T. 10. 1826. P. 771.
- ³⁴ Тункина И. В. Член-корреспондент Парижской Академии надписей И. А. Стемпковский и ученые Петербургской Академии наук // Петербургские чтения: Тез. докл. науч. конф., посвящ. 291-летию Санкт-Петербурга (23-27 мая 1994 г.). СПб., 1994. С. 160-162.

- ³⁵ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 5 об.
- ³⁶ Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1823 г. включительно). Вып.2. Воронеж, 1885. С. 82, 83.
- ³⁷ *Стемповский И. А.* Письмо редактору. Саратов, 11 февраля 1824 г. // Вестник Европы. 1824. Февраль. № 3. С. 233-235.
- ³⁸ *Родный Н. И.* Проблемы научного творчества и организации науки в трудах естествоиспытателей // Очерки истории и теории развития науки. М., 1969. С.163-164.
- ³⁹ *Тункина И. В.* П.И. Кеппен как исследователь Ольвии // Древнее Причерноморье: II чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. Одесса, 1991. С.98-99.
- ⁴⁰ *Фролов Э. Д.* Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С.104-105,111; *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С.26-27.
- ⁴¹ *Фролов Э. Д.* Русская историография античности... С. 102, 107; *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота... С. 27.
- ⁴² *Тункина И. В.* Классическая археология: академики и дилетанты (первая треть XIX в.) // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: К 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции (28 июня — 4 июля 1999 г.). Т. 2. СПб., 1999. С. 245-256.
- ⁴³ *Тункина И. В.* 1) Кабинет редкостей Черноморского депо карт // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 9-24; 2) Античные памятники в собраниях Харьковского университета (1805-1835) // Древнее Причерноморье: Кратк. сообщен. Одесского археологич. общества. Одесса, 1994. С. 147-152; 3) Создание Феодосийского музея древностей // Древнее Причерноморье: IV чтения памяти проф. П. О. Карышковского (12-14 марта 1998 г.). Одесса, 1998. С. 38-43; 4) Первые годы деятельности Керченского музея древностей // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. 3. С. 39-60.
- ⁴⁴ *Юргевич В. Н.* Исторический очерк 50-летия Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889. С. 46-47.
- ⁴⁵ ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 21-22.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 2. Л. 45-47.
- ⁴⁷ ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 55. Л. 175-176 об.
- ⁴⁸ Устав Императорского археологического общества // Записки Императорского археологического общества, служащие продолжением записок Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. Т. 3. 1851. С. 2.
- ⁴⁹ *Тункина И. В.* А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х — начало 1850-х гг.) // Погибшие святые. Охраняется государством. IV Российская научно-практич. конф. Ч. 1. СПб., 1996. С. 163-181.
- ⁵⁰ ИР ЦНБ НАН Украины. V, 1198-1218. Л. 2-4 об.
- ⁵¹ *Тункина И. В.* Неизданная работа М. И. Ростовцева... С. 23.
- ⁵² Ростовцев М. И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Подгот. текста, публикац. и коммент. И. В.Тункиной // СКУОКА: Избранные работы академика М. И. Ростовцева. Петербургский археологический вестник. № 5. 1993. С. 28.
- ⁵³ *Тункина И. В.* Формирование исследовательских программ в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII — середина XIX в.) // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. (11-13 декабря 1990 г.). СПб., 1993. С. 54-55.
- ⁵⁴ Цит. по: *Родный Н. И.* Проблемы научного творчества... С. 173.